

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА /
THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS**

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.53.26>

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА МЕСТОИМЕНИЯ «МЫ»

Научная статья

Сахарова Е.Е.¹, Басенко Г.В.^{2,*}, Чунахова Л.В.³

¹ORCID : 0000-0003-0694-6908;

²ORCID : 0000-0002-0004-3292;

³ORCID : 0000-0003-3600-3556;

^{1,3} Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (julia.bass[at]mail.ru)

Аннотация

Настоящее исследование посвящено изучению семантических и прагматических особенностей личного местоимения 1 лица множественного числа «мы» в русле коммуникативно-прагматического подхода. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить семантико-прагматическую специфику использования местоимения «мы» в разных речевых ситуациях. Материалом исследования послужили тексты различных типов дискурсов (религиозного, политического, учебно-педагогического, научного, рекламного, межличностного общения), произведений художественной литературы. Авторы делают вывод, что семантическое многообразие местоимения «мы» обусловлено прагматической спецификой его использования в речи. Анализ материала исследования показывает, что семантику «мы» можно представить тремя типами значений, при этом в каждом типе реализуется самопрезентация отправителя сообщения. Первый тип значений формируется в контексте инклюзивного «мы» с семантикой солидаризации, интерактивности, демонстрации кооперативного поведения, а также противопоставления. Второй тип составляют эксклюзивные значения местоимения «мы», такие как самоидентификация, размежевание, дистанцирование. Третий тип формируют значения, реализующиеся через семантическую транспозицию, когда «мы» теряет содержание множественного числа. Подчеркивается, что актуальное значение местоимения «мы» может быть установлено и интерпретировано лишь в контексте конкретной речевой ситуации.

Ключевые слова: инклюзивное «мы», эксклюзивное «мы», семантическая транспозиция, речевая ситуация.

SEMANTIC AND PRAGMATIC SPECIFICITY OF THE PRONOUN "WE"

Research article

Sakharova Y.Y.¹, Basenko G.V.^{2,*}, Chunakhova L.V.³

¹ORCID : 0000-0003-0694-6908;

²ORCID : 0000-0002-0004-3292;

³ORCID : 0000-0003-3600-3556;

^{1,3} Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (julia.bass[at]mail.ru)

Abstract

The present research is dedicated to the study of semantic and pragmatic specifics of the 1st person plural personal pronoun "we" in the context of the communicative and pragmatic approach. The aim of the study is to identify the semantic and pragmatic specificity of the use of the pronoun "we" in different speech situations. The material of the study was texts of different types of discourse (religious, political, educational, scientific, advertising, interpersonal communication) and works of fiction. The authors conclude that the semantic diversity of the pronoun "we" is caused by the pragmatic specificity of its use in speech. The analysis of the research material shows that the semantics of "we" can be represented by three types of meanings, with each type realizing the self-representation of the message sender. The first type of meanings is formed in the context of inclusive "we" with the semantics of solidarization, interactivity, demonstration of cooperative behaviour, as well as opposition. The second type is formed by exclusive meanings of the pronoun "we", such as self-identification, disassociation, distancing. The third type is formed by the meanings realized through semantic transposition, when "we" loses its plural content. It is emphasized that the actual meaning of the pronoun "we" can be established and interpreted only in the context of a specific speech situation.

Keywords: inclusive "we", exclusive "we", semantic transposition, speech situation.

Введение

Личные местоимения в каждом языке занимают особое место, поскольку они выступают отправной точкой и основным инструментом коммуникации людей. В данной работе наш научный интерес сосредоточен на местоимении 1 лица множественного числа «мы». Актуальность работы определяется тем, что она выполнена в русле коммуникативно-прагматического подхода, который позволяет исследовать языковые единицы сквозь призму экстралингвистических факторов (социальных, психологических, когнитивных, лингвокультурных). Считаем такой

подход наиболее оправданным для изучения местоимения «мы», поскольку в языке оно служит для обозначения говорящего и собеседника, а также для обозначения некоторых лиц, включая говорящего [7], а, значит, выполняет существенную коммуникативную нагрузку.

Изучению личных местоимений и в частности местоимения «мы» посвящен ряд научных работ: рассматриваются референциальные возможности местоимения [2], [3], его дискурсивные особенности [4], [9], анализируются синтаксические конструкции с «мы» [6] и смысловое пространство местоимения [10]. Исследователи отмечают его атипичность и даже коварность [4], поскольку множественная природа местоимения «мы» создает трудности при идентификации того множества людей, которое, помимо отправителя сообщения, включено в содержание «мы». Именно поэтому ученые снова и снова обращаются к данной теме.

Объектом настоящего исследования является личное местоимение 1 лица множественного числа «мы», его словоформы и сфера их использования, предметом анализа стали значения местоимения «мы», актуализируемые в различных речевых ситуациях.

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить семантико-прагматическую специфику местоимения «мы», описать его значения на материале различных дискурсов и дискурсивных практик.

Методы и принципы исследования

Данная работа выполнена в рамках прагмалингвистики, одного из перспективных направлений современного языкознания. Эмпирической базой исследования послужили тексты различных типов дискурсов: институциональных – религиозного, политического, учебно-педагогического, научного, рекламного; а также неинституционального дискурса межличностного общения; кроме того, в качестве материала исследования также были взяты примеры из произведений художественной литературы. Основными методами исследования выступают контекстуальный анализ, методы функционального и прагмалингвистического описания, включающие в себя также общенаучные методы наблюдения, обобщения и интерпретации полученных данных.

Основные результаты

В ходе проведенного исследования было установлено, что семантико-прагматическая специфика местоимения 1 лица множественного числа «мы» и его словоформ, включая притяжательные местоимения, заключается в том, что его использование в различных дискурсивных практиках нацелено на решение определенных коммуникативных задач. Анализ материала исследования показывает, что «мы» всегда выступает маркером субъекта речи, репрезентирует и характеризует его в границах ситуации общения. В целом же, семантика «мы» может быть представлена тремя типами значений. Во-первых, оно используется как инклюзивное «мы», в план содержания которого включается как отправитель сообщения, так и его получатель (*мы с тобой, мы с вами, наш с тобой, наш с вами*). Во-вторых, «мы» применяется в эксклюзивном значении: оно маркирует некоторую группу людей, к которой отправитель причисляет и себя, при этом получатель не входит в эту группу (*мы, студенты*). В-третьих, в некоторых речевых ситуациях местоимение «мы» может подвергаться семантической транспозиции и терять содержание множественного числа. Однако точное значение «мы» может быть установлено лишь в условиях конкретной речевой ситуации.

Обсуждение

Рассмотрим ряд примеров, раскрывающих семантико-прагматическую специфику использования местоимения «мы» в различных дискурсах.

Первый тип значений «мы», связанный с инклюзивным характером местоимения, может быть представлен формулой «я + ты / вы». Инклюзивное «мы» свойственно, например, речи учителя или преподавателя в учебно-педагогическом дискурсе: «*Сегодня мы с вами рассмотрим новую тему*», или «*Нам с вами предстоит найти способ решения этой проблемы*». Педагог объединяется со своими учениками или студентами для того, чтобы вместе с ними рассматривать новую тему или актуальную проблему, решать сложную задачу, доказывать теорему и т.п. Тем самым, через инклюзивное «мы», он, с одной стороны, формирует положительный образ себя как наставника (самопрезентация), а, с другой, – вовлекает учащихся в учебный процесс, делая его более интерактивным.

Акцент на совместной деятельности свидетельствует о кооперативном типе поведения отправителя сообщения: «*Мы с вами уже доказали, что способны решать самые сложные задачи ...*» (Послание Президента Федеральному Собранию от 29.02.2024). Такое поведение нацелено на успешное взаимодействие с получателем сообщения, в качестве которого в данном примере из политического дискурса выступают коллеги, соратники.

С точки зрения прагмалингвистики, многократное использование того или иного речевого приема или маркера может оказывать более мощное, долговременное воздействие на адресата [5], [8]. Например, частое употребление в речи местоимения «мы» и его словоформ подчеркивает единство взглядов, ценностей и действий коммуникантов, управляет вниманием слушателей, вовлекает их в совместное рассуждение [1]. Это особенно характерно для религиозной гомилетической речи, в частности для проповеди, в задачи которой входит объединять верующих, поддерживать их единство в религиозной жизни. Так в проповеди патриарх Кирилл, обращаясь к верующим в храме, произносит такие выражения, как «*Мы должны понять*», «*под силу нашей с вами соборной молитве*», «*нашей с вами Церкви*» (проповедь от 18.07.2023). Здесь «мы» очерчивает группу «своих», то сообщество единоверцев, к которому принадлежат и прихожане храма, и религиозный оратор.

В некоторых ситуациях «мы» принимает собирательно-инклюзивное значение, например: «*... мы все, весь наш народ, должны обновить свое религиозное чувство*» (проповедь от 21.07.2023). В данном примере из другой проповеди патриарха «мы» выходит за пределы непосредственно коммуникативной ситуации, священнослужитель объединяется не только с прихожанами храма, но со всеми верующими и всем народом страны.

Употребление инклюзивного «мы» с семантикой расширения характерно и для политической коммуникации, где часто используются такие выражения, как «*мы с вами*», «*наш народ*», «*наша страна*». В них передается идея всеобщего объединения, единства и равенства всех людей страны.

Инклюзивное «мы» может служить речевым приемом для выражения значения размежевания, т.е. разграничения «своих» и «чужих», конкретизации и подтверждения «своего круга» через противопоставление «другому, чужому кругу»: «*Западные элиты годами лицемерно заверяли всех нас в своих мирных намерениях...*» (Новогоднее обращение президента к россиянам. 31.12.2022). В контексте данного высказывания глава государства солидаризируется со «всеми нами», россиянами, одновременно «*всем нам*» противопоставляются «западные элиты». Эффект противопоставления усиливается здесь за счет использования лексем с негативной коннотацией при описании «других».

Ряд исследователей [4], [6] отмечают, что местоимение «мы» в своих инклюзивных значениях может стать инструментом манипулирования сознанием и поведением людей, например, при формировании общественного мнения электората в политическом дискурсе.

Другой тип значений местоимения «мы», а, значит, и другой способ репрезентации отправителя сообщения, – использование в речи эксклюзивного «мы». Прагматика эксклюзивного «мы» заключается в том, что оно выводит из своего состава получателя сообщения. В данном случае «мы» объединяет отправителя сообщения с третьим лицом (или группой лиц), которые вместе противопоставляются получателю сообщения по тем или иным признакам – «я + он / они». Использование эксклюзивного «мы» может служить речевым приемом размежевания или дистанцирования [4], с целью подчеркнуть различие между отправителем и получателем сообщения.

В качестве примера приведем рекламный слоган компании Indesit, выпускающей бытовую технику: «*Indesit. Мы работаем, вы отдыхаете*». В высказывании подчеркивается, что коммуниканты не принадлежат к одной социальной группе. Введение местоимения 2 лица множественного числа «вы» усиливает эффект размежевания коммуникантов, где *мы* – производители бытовой техники, а *вы* – потенциальные покупатели этой техники. В следующем примере из знаменитого стихотворения для детей также указывается на разделение отправителя сообщения и его получателей: «*А у нас в квартире газ! А у вас?*» ... «*А у нас сегодня кошка родила вчера котят*» (С. Михалков). Здесь словоформы эксклюзивного «мы» содержат информацию о пространстве, в котором что-то происходит, и это пространство принадлежит отправителю сообщения.

Третий тип значений «мы» формируется за счет механизма функционально-семантической транспозиции, т.е. употребления местоимения множественного числа «мы» в несвойственных ему функциях, а именно для обозначения субъекта в единственном числе. Так, в определенных речевых ситуациях «мы» может обозначать «я», или «ты / вы (Вы)», или «он / она». Приведем пример использования «мы» вместо «я».

«Мы» авторское, или научное характеризуется семантической неточностью, при этом за счет размытости значения достигается эффект снижения эгоцентризма в высказывании: «*В ходе исследования мы использовали метод контент-анализа*». В научном дискурсе «мы» может свидетельствовать о деликатности и скромности автора, об уважении к предшественникам в данной научной области.

Другим примером семантической транспозиции является использование «мы» вместо местоимений 3 лица «он» или «она». В межличностном, бытовом общении часто мамочки говорят о своих детях: «*А мы уже ходим!*»; «*У нас второй зуб растет!*». В таких ситуациях под «мы» подразумевается конкретный малыш, а через форму множественного числа дополнительно демонстрируется тесная связь и сопричастность матери к достижениям ребенка.

Случаи использования «мы» вместо «ты» / «вы» / «Вы» не столь многочисленны и характерны, прежде всего, для бытового дискурса. Однако широко известны примеры обращения врача к пациенту (или пациентам): «*Ну, и как мы себя чувствуем?*» В данной ситуации «мы» обозначает получателя сообщения, а формой множественного числа подчеркивается вклад врача в лечение больного, их совместная борьба с болезнью.

Анализ представленных в работе примеров и ситуаций показывает, что местоимение «мы» в различных дискурсах, выражая самые разные прагматические значения, характеризует в первую очередь отправителя сообщения.

Заключение

Таким образом, семантико-прагматический потенциал личного местоимения 1 лица множественного числа «мы» и его словоформ довольно разнообразен. Семантическая палитра местоимения обеспечивается прагматической спецификой его использования в речи, когда значение «мы» зависит от целого ряда экстралингвистических факторов, таких как: цель общения, условия коммуникации, ценностная картина мира и особенности коммуникантов и т.п. В связи с этим семантику «мы» можно представить тремя типами значений, при этом в каждом типе реализуется самопрезентация отправителя сообщения. Первый тип значений формируется в контексте инклюзивного «мы» с семантикой солидаризации, интерактивности, демонстрации кооперативного поведения, противопоставления. Вторым типом составляют эксклюзивные значения «мы», такие как самоидентификация, размежевание, дистанцирование. Третий тип формируют значения, реализующиеся через семантическую транспозицию, когда «мы» теряет содержание множественного числа. Актуальное значение местоимения «мы» может быть установлено и интерпретировано лишь в контексте конкретной речевой ситуации.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Булгарова Б.А., Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы. Кафедра массовых коммуникаций., Москва, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.53.26.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Bulgarova B.A., RUDN University named after Patrice Lumumba. Department of mass communications., Moscow, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.53.26.1>

Список литературы / References

1. Баишева З.В. Приемы убеждения в защитительной речи И.Д. Брауде по делу А.И. Маркова / З.В. Баишева // Международный научно-исследовательский журнал. — 2022. — № 11 (125). — DOI: 10.23670/IRJ.2022.125.21
2. Гранева И.Ю. Местоимение «мы» в современном русском языке: коммуникативно-прагматический подход: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Ю. Гранева. — Киров, 2010. — 27 с.
3. Гранева И.Ю. Семантика и прагматика местоимения «мы» во вторичных референтных функциях / И.Ю. Гранева // Системное и асистемное в языке и речи: материалы междунар. науч. конф., г. Иркутск, 10-13 сентября 2007 года. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2007. — С. 284-289.
4. Крапивкина О.А. Прагматический потенциал местоимения мы в юридических дискурсивных практиках / О.А. Крапивкина // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. — 2018. — № 3. — С. 90-98.
5. Матвеева Г.Г. Основы прагмалингвистики / Г.Г. Матвеева. — М.: ИНФРА-М, 2022. — 205 с.
6. Норман Б.Ю. Конструкции с местоимением мы: формирование актуальной или окказиональной коллективной идентичности / Б.Ю. Норман, А.М. Плотникова // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. — 2016. — № 6(34). — С. 126-138.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
8. Сахарова Е.Е. Прагмалингвистические особенности проповеднического дискурса: критерий вовлеченности участников дискурса в речевое событие / Е.Е. Сахарова // Известия ЮФУ. Филологические науки. — 2013. — № 1. — С. 157-163.
9. Синельникова Л.Н. Местоимение в дискурсе / Л.Н. Синельникова. — Луганск: График, 2008. — 476 с.
10. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н.Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 1998. — 176 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Baisheva Z.V. Priemy ubezhdenija v zashhitel'noj rechi I.D. Braude po delu A.I. Markova [Methods of persuasion in the defence speech of I.D. Braude in the case of A.I. Markov] / Z.V. Baisheva // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]. — 2022. — № 11 (125). — DOI: 10.23670/IRJ.2022.125.21 [in Russian]
2. Graneva I.Ju. Mestoimenie «my» v sovremennom russkom jazyke: kommunikativno-pragmaticeskij podhod [The pronoun "we" in modern Russian: communicative and pragmatic approach]: abst. dis. ... PhD in Philology / I.Ju. Graneva. — Kirov, 2010. — 27 p. [in Russian]
3. Graneva I.Ju. Semantika i pragmatika mestoimenija «my» vo vtorichnyh referentnyh funkcijah [Semantics and pragmatics of the pronoun "we" in secondary referential functions] / I.Ju. Graneva // Sistemnoe i asistemnoe v jazyke i rechi: materialy mezhdunar. nauch. konf., g. Irkutsk, 10-13 sentjabrja 2007 goda [Systemic and asystemic in language and speech: materials of the International scientific conference, Irkutsk, 10-13 September 2007]. — Irkutsk: Publishing House ISU, 2007. — P. 284-289. [in Russian]
4. Krapivkina O.A. Pragmaticeskij potencial mestoimenija my v juridicheskikh diskursivnyh praktikah [Pragmatic potential of the pronoun we in legal discursive practices] / O.A. Krapivkina // Vestn. Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Ser.: Gumanit. i soc. nauki [Bulletin of the North (Arctic) Federal University. Ser.: Humanities and Social Sciences]. — 2018. — № 3. — P. 90-98. [in Russian]
5. Matveeva G.G. Osnovy pragmalingvistiki [Foundations of pragmalinguistics] / G.G. Matveeva. — M.: INFRA-M, 2022. — 205 p. [in Russian]
6. Norman B.Ju. Konstrukcii s mestoimeniem my: formirovanie aktual'noj ili okkazional'noj kollektivnoj identichnosti [Constructions with the pronoun we: the formation of topical or occasional collective identity] / B.Ju. Norman, A.M. Plotnikova // Vestn. Novosib. gos. ped. un-ta [Bulletin of Novosibirsk State Ped. University]. — 2016. — № 6(34). — P. 126-138. [in Russian]
7. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language] / S.I. Ozhegov, N.Ju. Shvedova. — M.: Azbukovnik, 1999. — 944 p. [in Russian]
8. Saharova E.E. Pragmalingvisticheskie osobennosti propovedniceskogo diskursa: kriterij vovlechennosti uchastnikov diskursa v rechevoe sobytie [Pragmalinguistic specifics of preaching discourse: the criterion of involvement of discourse participants in the speech event] / E.E. Saharova // Izvestija JuFU. Filologicheskie nauki [Proceedings of the South Federal University. Philological Sciences]. — 2013. — № 1. — P. 157-163. [in Russian]
9. Sinel'nikova L.N. Mestoimenie v diskurse [The pronoun in discourse] / L.N. Sinel'nikova. — Lugansk: Grafik, 2008. — 476 p. [in Russian]
10. Shvedova N.Ju. Mestoimenie i smysl. Klass russkikh mestoimenij i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva [The pronoun and meaning. The class of Russian pronouns and the semantic spaces opened by them] / N.Ju. Shvedova. — M.: Azbukovnik, 1998. — 176 p. [in Russian]